

НУМЕНИЙ ИЗ АПАМЕИ

ТРАКТАТ «О НЕВЕРНОСТИ АКАДЕМИИ ПЛАТОНУ»

Предисловие, перевод и примечания Е. В. Афонасина*

Предисловие

Около 265 г. до н. э. Кратета на посту главы Академии сменил Аркесилай из Питаны, который тут же изменил стиль академической философии, вернувшись, как он полагал, к изначально присущему ей методу сократического диалога¹. О подлинных причинах такого поворота можно только гадать. Джон Диллон² резонно замечает, что для лучшего понимания произошедшего необходимо рассмотреть философский контекст этой трансформации. Во многих отношениях уникальное сообщение философа неопифагорейца II в. н. э. Нумения имеет особую ценность именно в этой связи.

Диоген Лаэртий (DL IV.28–45) рассказывает о жизни Аркесилая относительно подробно, приводит сатирические стихи о нем (те же самые, что и Нумений), и некоторые из метких выражений, которыми он, как считается, прославился, но ничего не говорит о его учении, которого по стандартным меркам и не было, тем более, что «книг он, как утверждают некоторые, в силу воздержания от всяких

* Перевод осуществлен по собранию фрагментов Э. де Пласа (Numénius. Fragments / Ed. E. des Places. Paris, 1973).

¹ Подробнее ознакомиться с эпистемологией скептической Академии можно, например, по работам: Long A. A. Hellenistic Philosophy. Berkeley, 1974. P. 88–106; Schofield M. Academic Epistemology // The Cambridge History of Hellenistic Philosophy / Eds. K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld and M. Schofield. Cambridge, 1999. Тексты, переводы и комментарии см. в: Mette H. J. 1) Zwei Akademiker heute: Krantor und Arkesilaos // Lustrum. 1984. Bd 26. S. 7–94; 2) Weitere Akademiker heute: von Lakydes bis Kleitomachos // Lustrum. 1985. Bd 27. S. 39–148; Long A. A., Sedley D. The Hellenistic Philosophers: In 2 vols. Cambridge, 1987. О Филоне из Ларисы см.: Tarrant H. Scepticism or Platonism? The Philosophy of the Fourth Academy. Cambridge, 1985; об Антиохе: Glucker J. Antiochus and the Late Academy. Göttingen, 1978. К слову сказать, представление о работе Гарольда Тарранта можно получить по недавнему переводу его интересной статьи: Таррант Г. Платон, предубеждение и ученики зрелого возраста в античности // АКАΔΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 5. СПб., 2003. С. 129–142. Правда она посвящена не Академии.

² Диллон Дж. Наследники Платона / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб., 2005. С. 265–269.

© Е. В. Афонасин, предисловие, перевод и примечания, 2008

суждений, не писал вовсе; другие же говорят, будто видели его за правкой каких-то сочинений, которые он то ли издал, то ли сжег» (DL IV.32). На пост главы школы он был избран, причем ему добровольно уступил некий Сократид (DL IV.32), и стал заметной фигурой на философской сцене⁵. Главным противником и конкурентом Аркесилая был, несомненно, Зенон Китийский⁶, который прибыл в Афины около 311 г. и в течение двадцати лет учился сперва у киника Кратета, затем у Стильпона и, наконец, у Полемона (DL VII.2)⁵, а затем основал свою школу. Физика и этика Зенона во многих отношениях представляла собой творческое, и довольно успешное, развитие платонического учения, что не могло понравиться новому схоластику Академии⁶. По-видимости, перед ним открывалось два пути: либо признать, что подлинным наследником Платона является не он, а Зенон, либо объявить платонизм Древней Академии (а, следовательно, и Зенона) уступкой догматизму, и вернуться к истокам — к чистому и неискаженному позднейшими наслоениями учению Платона. Однако каково это подлинное учение? Результат работы Аркесилая Диоген (с неодобрением) описывает так (DL IV.28): «Он первым стал воздерживаться от суждений при противоречивости противоположных аргументов, первым стал рассматривать вопросы с обеих сторон и первым сдвинул учение, завещанное Платоном, своими вопросами и ответами сделав его похожим на эристику». В действительности, это был скорее скептицизм — в античном смысле слова *οκέφισ*, «рассмотрение», «изучение» — программа, имеющая мало общего с политической софистикой и предполагающая в определенном смысле научное изучение явлений, как воспринимаемых органами чувств, так и постигаемых разумом. Аркесилая не отказывался от высказывания мнения безусловно (и наши информанты согласны с этим), однако хотел, во-первых, вернуться к методам ранних платоновских «сократических» диалогов и, во-вторых, не готов был принять решение проблемы критерия, предложенное стоиками, которые считали, что достоверное знание можно получить из опыта на основании «постигающих представлений»⁷. Кроме того, как показывают наши свидетельства, по складу характера он

⁵ Его современник Эратосфен в Афинах был впечатлен лишь двумя философами: Аркесилаем и стоиком Аристоном Хиосским (Страбон, *География*, I. 15).

⁴ Школа Аристотеля осталась в стороне от этого спора. Хотя Аркесилая в молодости был учеником и любовником Теофраста, естественнонаучная проблематика, на которой специализировался в то время Ликей, его, по-видимому, не интересовала. К тому же во время активной деятельности Аркесилая Ликей возглавлял Ликон, руководивший школой более сорока лет и интересовавшийся, по словам Диогена, в основном наукой и воспитанием (DL V. 74). Так что с Аркесилаем ему было просто нечего делить.

⁵ Нумений (фр. 25) и Диоген говорят, что он учился и у Ксенократа, но это невозможно по хронологическим соображениям; см.: Фрагменты ранних стоиков: В 2 т. / Пер. А. А. Столярова. Т. 1, 2(1). М., 1998; т. 2(2). М., 2003.

⁶ Логика стоиков была оригинальна, однако во времена Зенона она еще только формировалась.

⁷ Изложение и оценку позиции Аркесилая см. у Секста Эмпирика (*Против ученых*, VII. 156–157; *Пифаговы положения*, I. 232). Подробнее см.: Schefield M. *Academic Epistemology*. P. 327–334.

был прирожденным спорщиком, любящим светскую жизнь и публичные выступления⁸.

Последователи оценили демарш Аркесилая амбивалентно. Странники единства академической традиции, начиная по крайней мере с Филона из Ларисы⁹, доказывали, что Аркесилай использовал скептицизм как своего рода завесу, спасающую от нападок критиков, сам же в узком кругу учеников продолжал заниматься традиционными для платонизма темами¹⁰. Это мнение упоминают Секст Эмпирик (*Пирроновы положения*, I.234) и Нумений (фр. 25), однако сами они в него не

⁸ Диоген сообщает, что он очень любил посещать платные зрелища, причем самые дорогие, в средствах не нуждался и никогда их не экономил, помогая друзьям (IV. 38–39). Кстати, примечательно, что, по Диогену, все (!) схолярхи скептической Академии умерли от чрезмерного потребления вина. Аркесилай (IV. 44) умер, выпив слишком много неразбавленного вина и повредившись в рассудке; Лакид (IV. 61) умер «от удара после чрезмерной выпивки». Случай Карнеада забавней (IV. 64): Узнав, что Антипатр умер, выпив яд, он был взволнован его мужеством и перед концом сказал: «Дайте и мне!» — «Чего?» — переспросили его; а он ответил: «Вина с медом» (О смерти Клитомеха Диоген ничего не сообщает). Кроме того, Стильпон, «искусник в словопрениях, отвергающий “общие понятия”», также «скончался в глубокой старости, приняв вина, чтобы ускорить смерть» (II. 120). Однако еще удивительнее описание кончины стоика Хрисиппа (VII. 183–185, последний во всем тексте Диогена случай смерти от вина, который мне удалось обнаружить). После знаменитой фразы: «Не будь Хрисиппа, не было бы и Портрика» (ср. слова Карнеада, IV. 62: «Не будь Хрисиппа, не было бы и меня»), — говорится, что «в конце концов он ушел к Аркесилаю и Лакиду и с ними занимался философией в Академии». Довольно экстраординарное решение для главы стоической школы. И далее: на жертвенном пире он «выпил неразбавленного вина, почувствовал головокружение и на пятый день умер». «Впрочем, — продолжает Диоген, — некоторые говорят, что он умер от припадка хохота: увидев как осел сожрал его смоквы, он крикнул старухе, что теперь надо дать ослу *чистого вина* и промыть глотку, закатился от смеха и испустил дух». Очевидно, что жизнь и смерть этих академиков и близких им по духу философов конструируется под влиянием определенного топоса.

⁹ По сообщению Цицерона (*Первая Академика*, 11 сл.), около 88 г. до н. э. ученик и до этого времени верный последователь Филона Антиох Аскалонский получил в Александрии две новые книги Филона, которые привели его в неописуемую ярость. Джон Диллон предполагает, что книги эти могли быть посвящены доказательству принципиального единства академической традиции, что совершенно не устраивало Антиоха, который видел, что между учением Древней Академии и Новой был существенный разрыв (*Диллон Дж. Средние платоники / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб., 2002. С. 66 и сл.*). Подробнее см.: *Tarrant H. Scepticism or Platonism? P. 127 и сл.*, и в других местах этого фундаментального исследования философии Четвертой Академии.

¹⁰ Диоген Лаэртий говорит, что «все время он проводил в Академии, отстраняясь от общественных дел» (DLIV. 39–40). Чем, позволительно спросить, он там занимался? Кроме того, он же сообщает, что Аркесилай приобрел книги Платона. Довольно странное решение для главы платоновской Академии: может, в библиотеке школы уже не было ранних «сократических» диалогов?

верят. Напротив, по их представлению, Аркесилай, говоря словами Нумения, «был во всем, кроме имени, пирронистом; академиком же не был, хотя и назывался» (Нумений, фр. 25). Того же мнения придерживался, вне всякого сомнения, и Антиох Аскалонский (I в. до н. э.). Нумений из Апамен имел на этот счёт особое мнение, которое он и выразил в трактате *О неверности Академии Платону*. Он не только в самых резких выражениях критикует Аркесилая и его последователей за отступничество и забвение подлинного учения Платона, но и помещает всю, за исключением долгого периода скептицизма, платоническую традицию в контекст пифагореизма. Подлинным источником учения Платона, по его убеждению, был Пифагор, и именно пифагорейская составляющая академического учения стала той основой, возродив которую, можно постичь истинный смысл пифагорейско-платонического откровения. Разумеется, эта идея не нова. Платонизм был тесно связан с пифагореизмом с самого начала, и последующие авторы ясно это осознавали¹¹. Возрождение пифагореизма в I в. до н. э. только усилило эту тенденцию. Рассуждая в *Застольных беседах* (VIII.2, 718с–720с) о том, в каком смысле Платон считал, что бог всегда остается геометром, Плутарх со ссылкой на перипатетика Диксарха вопрошает: «Не намекнул ли Платон, незаметно для тебя, на нечто близкое, подмешав к Сократу Ликурга не в меньшей степени, чем Пифагора? Ты, конечно, знаешь, что Ликург отменил в Лакедемонии арифметическую пропорциональность, как демократическую и охлократическую, и ввел вместо нее геометрическую, подобающую разумной олигархии и конституционной монархии» (719а, пер. Я. М. Боровского).

Об этой «пифагорейской» интерпретации Аристотелевой теории справедливости (ср. *Никомахова этика*, V.7–8, 1131b9 сл.) мы упоминаем в данном случае потому, что ниже в фр. 24 читатель встретит это же сравнение в связи с эпикурейской школой и Академией. Современник Нумения платоник и софист Апулей, пересказывая биографию Пифагора во *Флоридях*, также замечает: «Что же касается нашего Платона, то он во всем, или почти во всем согласен с этой школой и чаще всего рассуждает подобно пифагорейцам» (XV, пер. С.П. Маркиша). Подобное впечатление у Апулея складывается потому, что в его время уже было непонятно, «Платон ли пифагорействует, или же Пифагор платонствует». Однако позиция Нумения значительно радикальнее и для второго века выглядит несколько экстремистской, напоминая идеи позднейших пифагорействующих неоплатоников¹².

В заключение скажем несколько слов об источнике, в котором сохранились публикуемые ниже фрагменты. Ученый христианин Евсевий Кесарийский (около 260–339) предпринял, наверное, самую масштабную (в смысле размеров) апологию христианства в патристической литературе. Первая ее часть — *Приготовление к Евангелию* — представляет собой пространную антологию, составленную из сочи-

¹¹ Цицерон, например, говорит (*Государство*, I, 16), что в диалогах Платона Сократ нередко связывает этические вопросы с пифагорейским учением о числе и гармонии.

¹² См., напр., Порфирий, *Жизнь Пифагора*, 53. Подробную оценку позиции Нумения см. в кн.: *O'Meara D. Pythagoras Revived*. Oxford, 1990. P. 10–14 (рус. пер. первой главы см.: *Возрождение пифагореизма в неоплатонической школе / Пер. Е. В. Афонасина, А. С. Кузнецовой // Метафизика в античности. Ч. I: Пифагорейская традиция*. Новосибирск, 2006. С. 67–72).

нений греческих авторов, в то время как вторая — *Доказательство Евангелия* — отражает проблематичные отношения между иудейскими и христианскими писаниями. Интересующее нас *Приготовление к Евангелию* в отличие, например, от *Библиотеки* Фотия, состоит из дословных выдержек из античных авторов, а не пересказов. В то же время от *Антологии* Стобея ее отличает особая позиция автора. Именно задача Евсевия в этом труде (прежде всего в книгах X–XII) состоит в том, чтобы утвердить авторитет иудейского писания и показать, что греческая философия зависит от иудейской. Эту экстраординарную для современного читателя идею в поздней античности разделяли многие авторы, начиная по крайней мере с Аристубула, александрийского иудейского философа и экзегета, жившего во времена Птолемея VII Филометора (около 175 г. до н. э.).¹⁵ Александрийцы Филон и Климент разработали эту идею в деталях, Евсевий полностью согласен с ними¹⁴, и в подтверждение своих слов приводит высказывание нашего Нумения: «Τί γάρ ἐστι Πλάτων ἢ Μωϋσῆς ἀττικίζων»¹⁵. Разумеется, это высказывание Нумения не означает, как иногда можно услышать даже от современных авторов, что он возводил греческую философию к иудейской¹⁶. Скорее всего его привлекала идея единства откровения, позволяющая объяснить близость важнейших теологических позиций эллинов и иудеев, — «эkleктическая» установка, характерная для периода поздней античности¹⁷.

Переводчик выражает признательность А. С. Кузнецовой и Т. Г. Мякину за помощь в подготовке этой работы. Автор также благодарит за поддержку исследований пифагорейской доксографии American Council of Learned Societies (New York).

¹⁵ Основные сведения о нем, кстати, происходят как раз из этого произведения Евсевия и *Стромат* Климента Александрийского.

¹⁴ Подробнее см. специальное исследование: *Ridings D. The Attic Moses: The Dependence Theme in Some Early Christian Writers*. Göteborg, 1995 (В трех главах этой работы представлен подробный разбор этой темы соответственно Климентом, Евсевием и Феодоритом). О Филоне см.: *Филон Александрийский*. Толкования Ветхого Завета / Ред. Е. Д. Магузова. М., 2000, о Клименте — *Климент Александрийский*. Строматы. Т. 1–3 / Предисловие, пер. с др.-греч., комментарий Е. В. Афонасина. СПб., 2003. Смотри также статью Япа Мансфельда «Философия на службе Писания: экзегетические стратегии Филона» в кн.: *The Question of "Eclecticism" / Eds. J. Dillon, A. A. Long. Berkeley, 1988. P. 70–102.*

¹⁵ «Что есть Платон, как не Моисей, говорящий по-аттически?». До Евсевия эту же фразу цитирует Климент (*Строматы*, I, 150,4), что, между прочим, является самым ранним упоминанием имени Нумения. Евсевий однозначно зависит от Климента, вместе с фразой Нумения упоминая его и Аристубула (*Приготовление к Евангелию*, XI. 10. 12–14; IX. 6. 9 = фр. 8 Des Places).

¹⁶ См. об этом интересную статью М. Эдвардса (*Edwards M. J. Atticizing Moses? Numenius, the Fathers and the Jews // Vigiliae Christianae*. 1990. Vol. 44. P. 64–75).

¹⁷ См. статью Джона Диллона «Ортодоксия и эклектизм. Средние платоники и нео-пифагорейцы» в сборнике «Вопросы "Эклектицизма"» (*The Question of "Eclecticism" / Eds J. Dillon, A. A. Long. Berkeley, 1988. P. 103–125*), специально о Нумении p. 122–125.

Фр. 24–28 des Places (1–8 Leemans)

[Предварительное замечание Евсевия] *Приготовление к Евангелию* XIV, 4, 1–15: Так Платон осуждал своих предшественников натурфилософов. Его собственные мнения об этом мы рассмотрели в предыдущих книгах, показав согласие между ними и доктринами евреев, а также учением Моисея о бытии. После самого Платона рассмотрим его преемников. Говорят, что Платон, основав свою школу в Академе, сам был назван академиком и стал родоначальником так называемой академической философии. Платону наследовал Спевсипп, сын сестры Платона Потоны, его сменил Ксенократ, а затем Полемон. И они, как сообщается, сразу же начали разрушать учение Платона, у домашнего очага разделяя то, что было ясно их учителю и вводя чужеродные учения, так что, как и следовало ожидать, мощь его великодушных диалогов в скором времени ослабла, а передача учения прекратилась сразу же после смерти его создателя, ибо между ними [наследниками учения Платона] тут же начались склоки и разногласия, которые не прекращаются и поныне. И никто больше не горит желанием развивать учение, которое так любил их учитель; в настоящее время едва ли найдутся один или два таких человека, и до этого их было немного; но даже и они не вполне свободны от ложной софистики, ведь и самые первые наследники Платона не избежали подобно.

Преемником Полемона, как говорят, стал Аркесилай¹, который, как сообщается, предал учение Платона и основал другую, так называемую вторую Академию. Он утверждал, что мы должны воздерживаться от суждения о чем-либо, потому что ничто не может быть постигнуто достоверно и по любому поводу можно выдвинуть равные по силе аргументы, и что чувства и разум в целом не заслуживают доверия.

¹ Евсевий пропускает Кратета. Вообще, из фрагментов Нумения вырисовывается следующее академическое преемство, в принципе, согласующееся с Диогеном Лаэртием и другими авторами: После Спевсиппа, Ксенократа, Полемона и Кратета, scholars Древней Академии, школу возглавил Аркесилай, изменивший стиль академического философствования. Интересный персонаж Бион, главу о котором Диоген помещает после Аркесилая, также упоминается Нумением, однако он не имел прямого отношения к Академии и ассоциируется с ней, видимо в силу сходства философской позиции (точнее, отсутствия таковой). Преемником Аркесилая стал Лакид (фр. 26). Лакид передал школу, по Диогену, Телеклу и Евандру из Фокии, по Нумению же — Евагру. Что в точности значит сообщение Диогена, не ясно, тем более что в следующем же абзаце он говорит, что Лакид умер после того, как 26 лет возглавлял школу и что его преемником стал Евагр (IV. 60), что по видимости противоречит его же словам несколькими строками выше, что он передал школу этим двум своим преемникам сам и еще при жизни. Преемником Евандра был Гегесин Пергамский, которого Диоген удаляет одной строчкой (60), а Нумений упоминает в начале фр. 27, если принять чтение Де Пласа. Его преемником стал Карнеад, за которым последовал Клитомах, о котором известно лишь, что он записал учение своего наставника Карнеада (DL IV. 67). На нем академическое преемство у Диогена заканчивается, Нумений же кратко сообщает о преемнике Клитомаха Филона из Ларисы, основателя Четвертой Академии и учителя Антноха Аскалонского (фр. 28).

К примеру, он хвалил Гесиода, сказавшего, что «скрыли великие боги от смертных» (Труды и дни, 42) человеческую мысль. Любил он также вводить различные парадоксальные новшества. После Аркесилая, как сообщается, Карнеад и Клитомах, в свою очередь, оставили мнения своих предшественников и основали третью Академию. Далее одни добавляют к ней еще и четвертую, в которую входят последователи Филона и Хармида, в то время как другие говорят о пятой, основанной Антиохом.

Таковы были сами преемники Платона: что же касается их личных качеств, возьми и прочитай слова пифагорейца Нумения, который в первой книге трактата *О неверности Академии Платону* (Περὶ τῆς τῶν Ἀκαδημαϊκῶν πρὸς Πλάτωνα διαστάσεως)² так высказывается об этом:

Фр. 24 des Places (1 Leemans), Евсевий, *Приготовление к Евангелию* XIV, 4, 16–59, р. 727 a–729 b V.; II, р. 268, 11–271, 6 Mras): «Во времена Спевсиппа, племянника Платона, Ксенократа, преемника Спевсиппа, и Полемона, который принял школу от Ксенократа, учение оставалось по большей части неизменным, потому что пресловутое “воздержание от суждения” (ἐποχή)³ и другие подобные учения еще не появились. В одном отношении он [Ксенократ] ослабил, в другом превратно истолковал исходное наследие, не сумев сохранить его неизменным. Сразу же после смерти Платона, раньше или позже, намеренно или бессознательно, он начал отступать от исходного учения, — возможно, по каким иным причинам, а не только из честолюбия. По поводу Ксенократа я не желаю говорить дурно, мне важно защитить Платона. Меня уязвляет то, что не всё извели, не всё сделали они, стремясь всегда и во всем соблюсти полное согласие с Платоном. Ведь хотя для них Платон и не лучше великого Пифагора, но тем не менее едва ли в чем-то уступает ему; ведь именно его приверженцы, следуя ему и окружив его почитанием, стали главной причиной того, что Пифагор ныне стяжает величайшую славу⁴. Взгляните на эпикурейцев, хотя

² Буквально, «о расколе между Академией и Платоном». Ср. аналогичное высказывание Фукидида: διδάσταις τοῖς νέοις ἐς τοὺς πρεσβυτέρους «раскол между младшим и старшим поколениями».

³ Со ссылкой на Аскания Абдеридского Диоген Лаэртий говорит, что о воздержании от суждения первым заговорил Пиррон, посетив до этого индийских гимнософистов (DL IX. 61).

⁴ От δολιχίτης, т. е. величие Пифагора и вслед за ним Платона создано его верными учениками.

они и ошибаются; они твердо усвоили данное правило и ни разу не были замечены в отступлении от учения Эпикура; признавая, что придерживаются мнения этого мудреца, они естественно и по праву сами называются его именем: поэтому среди младших эпикурейцев почти неизблемым стало правило никогда не спорить друг с другом, не противоречить Эпикуру и не говорить о том, что не заслуживает упоминания; они считали это беззаконием (παράνομια) или, скорее, нечестием, поэтому любое новшество было запрещено. Никто не осмеливался противоречить, потому и учение их пребывало в покое благодаря постоянному взаимному согласию. Школа (διатриβή) Эпикура подобна истинной республике (πολιτεία), где никто не подстрекает к бунту, и в которой царит единодушие и всеобщее согласие. А все потому, что они были, есть и, вероятно, останутся верными учениками.

Напротив, стоическая школа со времени основания и до сих пор раздираема разногласиями. Им нравится заманивать друг друга в хитрые ловушки; причем одни до сих пор остались такими же, а другие изменились. Так что основатели этой школы подобны неумеренным олигархам, которые, ругаясь друг с другом, стали примером для последователей, до сих пор соревнующихся со своими предшественниками и друг с другом за право считаться лучшим стойком, особенно в том, что касается всевозможных частностей. Ведь те из них, которые поднаторели в разборе утомительных мелочей и освоили различные уловки, быстрее других замечают ошибки. Но задолго до них в том же духе рассуждали и ученики Сократа (οἱ ἀπὸ Σωκράτους), каждый из которых пошел своим путем: Аристипп одним, Антисфен — другим, а мегарики и эретрийцы — каждый своим, увлекая следом за собой других. Причина же состоит в том, что в то время как Сократ устанавливал трех богов и в философских беседах рассуждал о каждом из них подобающим образом (ὀρθοῖς), его слушатели этого не понимали и думали, что он все говорит наобум, волею случая избирая то одно, то другое, как словно его вел дух.

Платон же был пифагорейцем (он знал, что Сократ черпал именно из этого источника, и прекрасно понимал о чем тот говорит); поэтому он сам выражал эти вещи способом необычным и неочевидным. Изъясняясь в каждом случае подобающим образом,

открывая и утаивая одновременно, он надежно сохранил написанное, однако собственными руками создал предпосылки для разногласий и кривотолков по поводу своего учения, хотя и сделал это не из зависти и не злонамеренно: я не произнесу дурного слова о древних.

Поэтому и следует нам, поучившись, обратиться скорее сюда, к этому знанию, и, подобно тому, как мы изначально выделяя его, предпочитали Аристотелю и Зенону, так и теперь предпочитаем его Академии, если только возможно этого бога постигнуть умом, — выделяя его, предоставим ему отныне оставаться самим собой, а именно — пифагорейским [богом]. Ведь теперь безумнее, чем это подобало бы какому-нибудь Пенфею⁵, страждет он членами, когда его тянут в разные стороны, меж тем как, будучи совершенным он в своей цельности, никогда не переменяет своих мнений в пользу той или другой стороны. Как человек, оказавшийся между Пифагором и Сократом, он [Платон] преобразил величавость первого в человеколюбие последнего, а остроумие и игристую иронию последнего возвысил до основательности и значительности первого; приготовив смесь (κεράσας) из Пифагора и Сократа, он стал приветливее (δημιτικώτερος) одного и величественнее другого».

Фр. 25 des Places (fr. 2 Leemans), Евсевий, *Приготовление к Евангелию* XIV, 5, 10–6, 14, p. 729 b–733 d V.; II, p. 271, 7–277, 9 Mgas: «Однако рассказать я хотел вовсе не об этом. Мое исследование касается совсем другого, поэтому, думаю, нам лучше вернуться на прежний путь, дабы совсем не сбиться с дороги.

Учениками (μαθηταί) Полемона стали Аркесилай и Зенон. Я хочу упомянуть о них еще раз. Если я правильно помню, о Зеноне говорят, что он сначала следовал за Ксенократом, а затем учился у Полемона, после чего стал киником при Кратете. Заметим еще, что он учился у Стильпона, а также изучал изречения Гераклита.

⁵ Сравнение с Пентеем. Образ из *Вакханок* Еврипида. Аналогичное сравнение у Евсевия в связи с Агником (*Приг. Ев.* XI. 2. 2) и у Климента в связи с единым Словом-Логосом (*Стром.* I, 57, 1–6). Как мы увидим и далее, сравнения и тропы — это излюбленный прием Нумения, что отмечает, например, Ориген (*Против Кельса* I. 15 = фр. lb des Places).

Ученики Полемона Аркесилай и Зенон соперничали друг с другом, причем в этом обоюдном споре один из них [Зенон] взял в союзники Гераклита, Стильпона, а также Кратета. Стильпон сделал его спорщиком, Гераклит научил резкости, а Кратет — кинизму. Другой же, Аркесилай, встал на сторону Теофраста, платоника Крантора и Диодора, а кроме того — Пиррона. Благодаря Крантору он стал убедителен, благодаря Диодору сделался софистом, а благодаря Пиррону — всеядным, дерзким и пустым (*παντοδαπός καὶ ἴτης καὶ οὐδέν*). Таков смысл оскорбительной эпической строки, написанной о нем:

Ликом Платон, задом Пиррон, Диодор серединой.

Согласно же Тимону, он учился у Менедема и благодаря ему освоил эристику:

*В сердце имея своем тяжелый свинец Менедема,
К туше Пиррона он прыгает или спешит к Диодору*⁶.

Соединив вместе уточненность Диодора, этого диалектика, и рассудительность Пиррона скептика, он низвел возвышенные речи Платона до напыщенного словоблудия, утверждающий и отрицающий, подходящий то с одной стороны, то с другой (все по воле случая), вечно меняющийся (*παλιναγυρετός*) и путаный (*δύσκριτος*), лживый и решительный одновременно, а также “ничего не знающий”⁷, как он сам по наивности говорил о себе. Правда затем он выказал себя подобным тем, которые знают, во всевозможных вычурных своих речах. Как гомеровский Тидид, который неизвестно “с кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахейан?” (Илиада 5. 84), так же непонятен и наш Аркесилай. Ведь придерживаться в чем-либо одного и того же положения было для него невозможным делом, да и не рассуждал он никогда так, как это принято у разумных людей. Потому и зовется он

⁶ Эти же стихотворные пародии приводит Диоген Лаэртский (DL IV. 33), добавляя к ним еще одну строку: «Путь к Пиррону держу, к кривому пловцу Диодору» (пер. М.А. Гаспарова). Стихи представляют собой пародию на описание Химеры в *Илиаде* 6. 181: «Передом лев, а задом дракон, и коза серединой» (здесь и далее переводы Н. Гнедича, адаптированные к тексту Нумения).

⁷ Сократический принцип. Мы знаем, что призывом «Назад к Сократу!» Аркесилай начал реформу академической философии.

Своими призрачными речами, подготавливающими и обучающими, он зачаровывал и околдовывал как Эмпус⁹, сам ничего не зная и не позволяя узнать другим. Запугивая и запутывая, он уходил в софистику и обманчивые речи, наслаждаясь своим бесчестьем и безмерно гордясь тем, что не знает как отличить постыдное от благого, хорошее от плохого, и сначала высказав все, что только приходило ему в голову, он снова изменял свое мнение и разрушал только что созданное еще более разнообразными способами. Он расчленил себя и был расчленен на куски, словно гида, не отличая одну часть от любой другой и не признавая никаких приличий. Однако слушателям он доставлял удовольствие, причем, слушая его речи, они заодно отмечали и то, что он хорошо выглядит. Получая удовольствие от того, что слышат и видят, они постепенно начинали принимать и его аргументы (τοὺς λόγους), ведь лицо и уста его были прекрасны, а глаза светились огнем. Я говорю это не просто так, ведь таков был его характер. В ранней молодости сойдясь с Теофрастом, человеком ласковым и влюбчивым, затем, все еще в расцвете своей молодости, он вызвал любовь академика Крантора и последовал за ним. Будучи человеком от природы не без дарований, он быстро и легко прошел весь курс обучения и — любитель поспорить — перенял у Диодора все эти убедительные и изящные хитрые увертки. Кроме того он посещал и Пиррона (который, так или иначе, обучился у Демокрита¹⁰). Вооружившись всем этим, он стал во всем, кроме имени, подобен пирронистам, как и они все опровергая (ἀναίρέσει). По крайней мере Мнасей, Филомел и Тимон, сами скептики, его также считали скептиком, потому что он отвергал и истинное, и ложное, и убедительное. Приверженец пирронистской доктрины, он вполне мог бы называться последователем Пиррона, однако из уважения к своему возлюбленному он согласился остаться академиком. Так что был он во всем, кроме имени, пирронистом; академиком же не был, хотя и назывался. Я не разделяю мнения Ди-

⁸ Фрагмент неизвестной трагедии: Nauck, *Adesp.* 323.

⁹ Злой демон, принимающий различные формы.

¹⁰ Нумений верит, что Демокрит был предтечей скептицизма.

окла из Книда¹¹, который в своей так называемой *Диатрибе* утверждал, будто бы Аркесилай испугался последователей Теодора и софиста Биона¹², которые имели обыкновение нападать на философов, и, не решившись сразиться с ними, занял осторожную позицию во избежание неприятностей, вместо того, чтобы показать себя приверженцем какой-либо догмы, как каракатица чернилами, прикрывшись тезисом о “воздержании от суждения” (ἡ ἐποχή). Однако я в это не верю.

Оба эти спорщика, Аркесилай и Зенон, вышедшие из одной школы и вооруженные одинаковым словесным оружием, забыв об общем источнике, Полемоне, чуть разойдясь, “выстроились в боевой порядок”¹³:

*Разом столкнулися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одетых; вытуклоблявшие разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный...
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком...
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся...
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих...*

— стойков, не выдержавших натиска академиков, потому что они не сразу поняли, какое место нужно защищать в первую очередь. Разбиты и потрясены до основания должны были быть те из них, которые не сумели сохранить в битве ни изначального принципа, ни исходной позиции. Изначальным же принципом было показать, что противник говорит не так, как подобает платонику, а исходная позиция терялась бы теми, кто хотя бы в чем-то изменил свое определение “постигающего представления” (τῆς καταληπτικῆς φαντασίας).

Сейчас не время говорить об этом, однако я намерен вернуться к этому сюжету в подходящем месте. Когда дело дошло у них до открытой схватки, не разом они сошлись друг с другом, а Аркесилай первым напал на Зенона. Зенон в полемике проявлял опре-

¹¹ Виламовиц отождествил этого Диокла с Диадоклом из Книда, которому Афинея (XI. 199) приписывает сочинение с таким названием; см.: *Wilamowitz-Moellendorff U., von. Antigonos von Karystos. Berlin, 1981; repr. 1965.* S. 313, n. 23.

¹² Диоген Лаэртий (DL IV. 46–58). О Бионе говорится после Аркесилая и перед Лакидом.

¹³ Центон из гомеровских строк: *Илиада* 4. 447–449, 13. 131, 4. 472, 4. 450–451.

деленную величавость и неповоротливость, что помогало ему не больше, чем Кифисодору (Κιψισόδωρος) его риторика. Ведь этот последний, встав на защиту своего учителя Исократы, которого атаковал Аристотель, не понимая существа дела и не будучи знаком с учением Аристотеля, однако узнав, что сочинения Платона были в большом почете, и решив, что философия Аристотеля согласуется с ними, ударил по Платону, думая, что воюет против Аристотеля. Начав с “идей”, он закончил критикой других учений, о которых сам ничего не знал, но лишь догадывался на основании общепринятых изложений¹⁴. Так, Кифисодор с кем хотел воевать, не воевал, а на кого не хотел нападать, с тем подрался. Когда Зенон, сразившись с Аркесилаем, воздерживался от критики Платона, он выказал себя, по моему мнению, прекрасным философом, как раз благодаря такому миролюбивому настрою. Однако, возможно, имея представление о мнениях Аркесилая, но не зная Платона, насколько можно судить по тому, что он написал против него, он не достигал своей цели, нападая на того, кого не понимал, и оскорбляя грубо и безнравственно человека, которого не вправе был трогать, обращаясь с ним хуже, чем какой-нибудь киник. Разумеется, он проявил душевное благородство, отвергая Аркесилая. Ведь либо по причине незнания мнений Аркесилая, либо потому, что стоики боялись “погибельной брани огромную пасть” (Илиада, 10. 8), он обратился против другого, т. е. Платона. Однако о дурном и позорном выступлении Зенона против Платона я расскажу отдельно, если сумею найти свободное время для занятий философией. Однако едва ли я найду для этих целей столько свободного времени — разве что только ради забавы.

¹⁴ Мерлан (The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Vol. 98 / Ed. by A. N. Armstrong. Cambridge, 1967. Note 2) полагает, что Кифисодор приписывает молодому Аристотелю теорию идей и, возможно, имеет на это какие-то причины. Плутарх, к примеру, также обвиняет Колота в том, что тот приписывает Аристотелю учение об идеях (*Против Колота*, 14, 1115а–с). Следует ли нам принять это косвенное свидетельство как указание на то, что по крайней мере в каких-то своих работах Аристотель говорил что-то подобное, или же вместе с Плутархом и Нумением более надежным будет просто заключить, что Кифисодор не знал того, о чем говорил? Мы не знаем, какие работы Аристотеля были доступны Нумению, возможно, что как и Плотин (кроме двух случаев упоминания *Евдема* в *Энеидах*), он использовал лишь эзотерические сочинения, однако Плутарх определенно знал как эзотерические, так и экзотерические учения.

Когда Аркесилай увидел в Зеноне искусного соперника и достойного противника, он тут же выступил против высказанных им положений. О других причинах их раздоров я не могу сейчас говорить, а если бы и мог, то все равно упоминать о них нет никакой надобности. Видя, что “постигающее представление (τὴν καταληπτικὴν φαντασίαν)”¹⁵, — доктрина, о которой первым он [Зенон] заговорил, — находится в Афинах в большом почете (как оно, так и его имя), он набросился на него всеми доступными ему способами. Однако Зенон, занимая более низкую позицию и чувствуя себя в безопасности, промолчал. Он оставил выпад Аркесилая без ответа, хотя и много мог еще сказать. Но тот не хотел отступать и совсем на иной манер продолжает сражаться с тенью Платона, хотя его уже не было в живых и криками с повозки шумит на все шествие (τὴν ἀπὸ ἀμάξης πομπεῖαν πᾶσαν κατεθροῦβει)¹⁶, говоря, что раз сам Платон не сможет защитить себя, то никому другому нет до этого дела: а если Аркесилай вознамерится вступить за Платона¹⁷, то он, как он думал, в любом случае выиграет, отразив нападение Аркесилая на себя самого. Он знал, что Агафокл Сиракузский проделал такой же трюк с карфагенянами [См. Диодор Сицилийский XX. 3].

Стоики слушали и недоумевали: их словолюбивая “муза не шла в наем”¹⁸ с Харитами Аркесилая, благодаря которым он раздавал удары налево и направо, ниспровергая одних, отсекая других, малодушно подставляя подножку третьим, так что каким-то образом сумел их убедить. Когда же противники были низвергнуты, а слушатели пребывали в унынии, люди того времени пришли к убеждению, что ни слово, ни чувство, ни любое самое малое или бесполезное дело не есть нечто сущее (μηδὲν εἶναι μῆτ’ οὖν ἔπος

¹⁵ Критерий безошибочного восприятия объектов внешнего мира. Ср. SVF I 52 (это место из Нумения); II 850 (Диоген Лаэртий VII. 51 и Аэтий IV. 8. 1). Подробный разбор стоической терминологии см. в схолии А. А. Стоярова к фр. 60 (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. М., 1998. С. 29–33).

¹⁶ Возможно, как отмечает Де Плас, аллюзия на представление в честь Кефиса, речного бога, сына Океана и Тефиды: во время Элевсинских мистерий находящиеся на следующей за процессней повозке люди осыпали прохожих шутками.

¹⁷ В качестве главы Академии ex officio.

¹⁸ Из Пиндара (*Истмийские песни* 2. 6), правда «жадная» (φιλοκερδής), заменена на «словолюбивая» (φιλόλογος).

μήτε πάθος μήτ' ἔργον ἐν βραχὺ μὴδ' ἄχρηστον) или ему противоположное, если это не согласуется с речами Аркесилая из Питаны. Однако сам он не придерживался определенного мнения, как мы уже сказали, и не изрекал ничего отчетливого, за исключением разных словечек (ῥηματίσματα)¹⁹ и прорицаний».

Фр. 26 des Places (fr. 3 Leemans), Евсевий, *Приготовление к Евангелию* XIV, 7, 1–15, р. 734 а–737 а V.; II, р. 277, 12–281, 8 Mras: «О Лакиде я расскажу одну забавную историю²⁰. Лакид был скуповат, вроде пресловутого “домовладыки”²¹. Этот всеми уважаемый человек имел обыкновение лично открывать свою кладовую и сам же ее закрывал. Он брал оттуда все, что нужно, проделывая эту процедуру собственноручно вовсе не потому, что одобрял “независимость” (αὐτάρκεια), и не потому, что был беден и ему не доставало слуг. Слуг у него, разумеется, было достаточно. Так что истинную причину нетрудно угадать. Однако перейду к обещанной истории. Собственноручно занимаясь домашним хозяйством, он решил, что незачем постоянно носить с собой ключ, поэтому, закрыв кладовую, прятал ключ в пустой ящичек для письменных принадлежностей (κοῖλον ὑραμματεῖον), и опечатав его перстнем, оставлял перстень дома, опустив его через замочную скважину так, чтобы, вернувшись домой и отворив дверь ключом, тут же подобрать перстень, затем закрыть, потом опечатать, и после этого опустить перстень внутрь через замочную скважину²². Разгадав эту нехитрую уловку, слуги открывали кладовую сразу же после того, как Лакид уходил погулять или же по какой иной надобности. Насытившись и напившись вдоволь, и прихватив с собой все, что хотели, они проделывали все в обратном порядке, закрывали, опечатывали и, от души потешаясь над “самим”²³, опускали пер-

¹⁹ Слово из платоновского *Тезета* 180а3. Этот пассаж также посвящен красочному описанию пустословов.

²⁰ Лакид принял школу от Аркесилая в 241/240 г. Менее детально эту историю рассказывает и Диоген (DL IV. 59). Ср. также: Плутарх, *Как отличить льстеца от друга?* (22. 63е).

²¹ Возможно, отсылка к «Домострою (οἰκονομικός)» Ксенофонта и Аристотеля?

²² По Диогену, «опечатав дверь, он через отверстие прятал внутрь свой перстень».

²³ Возможно, шутка в духе пифагорейского «Сам сказал (αὐτὸς ἔφη)».

стень в замочную скважину. Оставляя свои сосуды полными и затем обнаруживая их пустыми, Лакид пребывал в недоумении, однако услышав как Аркесилай философствует о “непостижимости” (ἀκαταληψία), решил, что это именно то самое²⁴, что случается с его кладовой. Так он начал под руководством Аркесилая осваивать философию, согласно которой невозможно ничего увидеть или услышать ясно и здраво²⁵. Как-то раз пригласив к себе в дом одного знакомого, он начал с невероятной настойчивостью убеждать его в необходимости “воздержания от суждения”, и заявил: “Это я могу тебе неоспоримо показать, причем на собственном опыте, а не с чужих слов”. Затем он начал²⁶ рассказывать о всех тех напастях, которые случаются с его кладовой. “Что же теперь, — заключил он, — скажет Зенон о непостижимости столь явно открывшейся мне при данных обстоятельствах? Ведь я же закрыл ее своими руками, лично опечатав, сам опустил перстень внутрь, а когда вернулся и открыл кладовую, то увидел внутри свой перстень, но не остальное имущество. Разве я вправе сомневаться в столь явном случае? Ведь предположение о том, что кто-то вошел и украл вещи необходимо исключить, так как перстень был внутри”. Его знакомый — а он был довольно несдержанным человеком — выслушивал все это, пока его терпение не лопнуло. Тогда он разразился громким смехом и, с трудом сдерживая себя, попытался опровергнуть это его глупое умозаключение (κενοδοξία). С тех пор Лакид больше не опускал перстень внутрь и перестал приводить свою кладовую в качестве примера “непостижимого”, постигнув²⁷ свои утраты и никчемность такого рода философствования.

²⁴ Как отмечает Де Плас, разговорный оборот: τοῦτ' ἐκεῖνο.

²⁵ ὑγιής — здоровый. В переносном смысле нередко употребляется Платоном, например: μηδὲν ὑγιές λέγειν «не говорить ничего вразумительного», «быть лишенным смысла».

²⁶ Снова ἀρχάμενος. В этом фрагменте Нумений «начинает» уже четвертый раз. Что это, стилистические погрешности или стремление передать разговорную речь?

²⁷ Игра слов: κατα-λαμβάνω «схватывать», «постигать», ἀκαταληψία «непостижимость».

Однако его слуги были отъявленными жуликами и поймать себя одной рукой не позволили²⁸, подобно тем рабам, которых можно увидеть в комедии, вроде Геты и Дака, громогласно кричащих на дакийском наречии²⁹. Услышав стоические софизмы или же узнав о них каким-либо иным образом, они совсем обнаглели и, сняв печать, иногда заменяли ее другой, а иногда даже этого не делали, потому как считали, что для него равно “непостижимо” и то и другое. Возвращаясь, он имел обыкновение делать проверку. Увидев коробочку без печати или запечатанной другой печатью, он очень злился. Когда же они говорили, что она запечатана, потому что они собственными глазами видят печать, он пускался в тонкие рассуждения и опровержения. Признав свое поражение, они высказывали предположение, что если печати нет, то, возможно, он сам забыл ее поставить. “Да нет же, — говорил он, — я точно помню, как собственноручно ставил печать!”, — и снова начинал свои опровержения и упреки, проклиная их проделки. Отражая его атаки, они решили, что он их разыгрывает, ведь, будучи философом, Лакид решил, что должен воздерживаться как от мнения, так и от воспоминания, потому что воспоминание — это также мнение. Незадолго до этого он убеждал именно так одного своего друга, по их словам. Когда же он опровергал их аргументы в отнюдь не академических выражениях, они отправлялись в школу какого-либо стоика, дабы лучше затвердить то, что следует говорить (τὰ λεκτέα), и, поднаторев, готовы были ответить софистикой на его софистику, превосходя в своем жульничестве даже академиков. Он обвиняет их в стоицизме, его же слуги — не скрывая насмешек — отвергают его возражения аргументом “от непостижимости”. Идут всесторонние дискуссии, аргументы сталкиваются с контраргументами; между тем в доме не осталось ничего: ни сосуда, ни того, что он вмещает, ни каких-либо иных предметов обстановки.

Некоторое время Лакид пребывал в недоумении, видя, что опора на собственное учение нисколько не помогает, и что если он не сможет опровергнуть своих противников, то утратит все те бла-

²⁸ οὐ δεξιέρῃ αἰπυοί. «Поймать одной рукой» — пословица, известная еще Платону, *Софист* 226a7.

²⁹ Ср., например, *Третейский суд* Менандра. О гетах и даках см. Страбон VII. 3. 12.

га, которыми владеет. Совсем обессилев, он начал призывать на помощь соседей и богов, говоря: “О! О!”, “Увы! Увы!”, “Боги!” и “Богини!”, и произнося все тому подобные безыскусные восклицания, при помощи которых люди пытаются утвердиться в вере в момент смятения, — так он кричал громко и самоуверенно.

Наконец, так как эта битва противоречий шла у него дома, он сам, можете быть уверены, занял стоическую позицию (ἑστωϊκεύετο) по отношению к своим слугам; а поскольку они продолжали настаивать на академической доктрине, он сам, дабы положить конец их бесчинствам, сделался домоседом и все время проводил возле своей кладовой. Однако и эта мера оказалась бесполезной. Тогда только он начал подозревать, что дело в его философии, и наконец открыто признался: “Наши школьные рассуждения, дети мои, — это одно, а жизнь — совсем другое”.

Вот что сообщается о Лакиде³⁰. У него было много слушателей, из которых выделялся Аристипп из Кирены³¹. Однако из всех учеников преемником его стал Евандр, а за ним последовали другие³².

После них школу принял Карнеад и основал третью Академию. В своих речах он применял те же методы, что и Аркесилай: точно так же он имел обыкновение выискивать противоречия, а аргументы своих противников обращал против них же самих. Отличался он лишь в понимании принципа воздержания от суждения, говоря, что человек не может воздерживаться от всех абсолютно суждений, поэтому следует отличать «неясное» (τὰ ἄβηλα) от «непостижимого» (ἀκατάληπτα), и что хотя все вещи непостижимы, не все они неясны. Был он знаком и со стоическим учением, и прославился благодаря спору со стоиками, стремясь не к истине, а к тому, что казалось убедительным большинству. Так он создал для стоиков много затруднений.

Вот как об этом пишет Нумений.

Фр. 27 des Places (fr. 4–7 Leemans), Евсевий, *Приготовление к Евангелию* XIV, 8, 1–15, p. 737 b–739 a V.; II, p. 281, 11–284, 9

³⁰ Возможно, далее идут слова самого Евсевия или его пересказ слов Нумения, хотя Де Плас печатает их как фрагмент.

³¹ Не путать с Аристиппом, учеником Сократа и основателем школы киренаиков. В разделе об этом старшем Аристиппе Диоген Лаэртий упоминает и нашего, наряду с тремя другими Аристиппами, о которых также ничего больше не известно (см. DL II. 83).

³² Академическое преемство (по Диогену): Аркесилай — Лакид — Телекл и Евандр из Фоки (которым Лакид, первым среди академиков, передал школу собственноручно еще при жизни) — Гегесин Пергамский (возможно, упоминается Нумением ниже) — Карнеад — Клитомах — Филон из Ларисы.

Мгас: «Став главой школы после Гегесина³³, Карнеад пренебрег теми доктринами, которые должен был сохранить, как изменившимися, так и оставшимися без изменений, и, возведя все их к Аркесилаю, на благо или на беду возобновил давний спор»³⁴.

Затем он добавляет:

«Он выдвигал (предположения) и отвергал их, бросая в бой противоречия и всевозможные частные уловки, одновременно отрицая и утверждая, и противореча во всех смыслах: и как только дело доходило до удивительных речей, он тут же вздымался, как бурная река, вышедшая из своих берегов и заливающая окрестности, нападал на своих слушателей и увлекал их за собой в шумящий поток. Сбивая с толку других, сам он не поддавался обману, — чего не было у Аркесилая. Ведь последний, потчужа своих собеседников, охваченных общим энтузиазмом (τοὺς συκоруβαυτιῶνας)³⁵, обманным снадобьем, не замечал, как сам первым неощутимо для себя вовлекался в обман, приняв все это сам и уверившись в истинности своих слов. Но новая напасть в дополнение к старой — Карнеад после Аркесилая, — немногим отличался от него: он не соглашался даже на малейшую уступку, разве что в случаях, когда его оппоненты могли быть обесилены таким способом, в применении того, что он называл утвердительным и отрицательным вероятностным представлением, устанавливающим, является ли данная сущность живым существом или неживым. Понемногу продвигаясь вперед, подобно дикому зверю, который, отступив, снова с яростью бросается на острие копья, он, ненадолго отступив, наносил еще более мощный удар. А утвердившись на этой позиции и успешно победив противника, он мог добровольно отказаться от своего мнения и никогда не вспоминать о нем.

Признавая, что во всех вещах есть как истина, так и ложь, он как бы предлагает сотрудничество в исследовании и, подобно опытному атлету, на время уступив, снова берет верх. Взвесив от-

³³ Чтение согласно Де Пласу. Гегесина в качестве предшественника Карнеада упоминают авторы преемств, см. Диоген Лаэртий, IV. 60.

³⁴ Видимо, имеется в виду изначальное соперничество между Аркесилаем и Зеноном.

³⁵ Букв. «вместе корибанствующих», «участвующих в совместных танцах корибантов», в переносном смысле: «охваченных одинаковым энтузиазмом». Это редкое слово встречается в *Федре* 228b7.

носительную правдоподобность каждой позиции, он затем говорит, что ни одна из них не может быть ухвачена достоверно (βεβαίως καταλαμβάνεσθαι). Он был более искусным разбойником и фокусником [по сравнению с Аркесилаем]. Ведь вместе с истиной он брал похожую на нее ложь, а вместе с “постигающим представлением”³⁶ рассматривал и подобное ему представление, а затем, уравновесив их на чашах весов, заявлял, что нет ни истины, ни лжи, и что одного здесь не больше другого, и что вероятность одного не больше, чем другого (οὐ μᾶλλον τὸ ἕτερον τοῦ ἑτέρου ἢ μᾶλλον ἀπὸ τοῦ πιθανοῦ). Так сон переходит в сон, а ложное представление становится подобным истинному, как от воскового муляжа к настоящему яйцу³⁷. Так что вреда это принесло немало, однако Карнеад увлекал людей и покорял их души³⁸. Скрытный вор и явный грабитель, он способен был поработить хитростью или силою³⁹ даже хорошо подготовленного противника. Всякое мнение (διάνοια) Карнеада побеждало, и никакое другое, потому как его противники были менее искусны в речах.

Например, Антипатр⁴⁰, который был его современником, начал было писать полемическое сочинение против него, однако, выслушивая день изо дня непрекращающийся поток речей Карнеада, он не решился представить его на суд публики, ни в школе, ни во время прогулок (οὐκ ἐν ταῖς διατριβαῖς, οὐκ ἐν τοῖς περιπάτοις), и не произнес ни единого слова, — никто, как говорят, не услышал от него об этом ни звука. Однако он продолжал записывать свои возражения и, забившись в угол (γῶνίαν λαβών)⁴¹, пи-

³⁶ «Каталептическое» представление — стоический критерий безошибочного восприятия чувственных объектов.

³⁷ Сказано следующее: ὡς ἀπὸ φῶς κηρίνου πρὸς τὸ ἀληθινὸν φῶς, хотя не вполне понятно, что значит это сравнение.

³⁸ Буквально, «ἐψυχαῶγει καὶ ἠνδραποδίστατο, увлекал души и покорял людей», вероятно, как Гермес, который вел души в царство теней.

³⁹ δόλω καὶ βίᾳ. Греческий эквивалент принципа римского права *vi, clam, rrsatio* («силою, тайно или прекарно»). Последнее в случае с Карнеадом, видимо, также имело место, потому что он, по словам Нумения, не определял заранее правил игры.

⁴⁰ Антипатр Тарсийский (род. в 150 г. до н. э.), стоик, преемник Хрисиппа.

⁴¹ Возможно, сравнение навеяно платоновским *Горгием* (485d2–e1): «Как бы ни был даровит такой человек, он наверняка теряет мужественность, держать вдали от середины города, его площадей и собраний, где прославляются мужи... он про-

сал книги, которые завещал своим преемникам, однако они бессильны сейчас, а ранее были еще бессильнее в сравнении с величием и славой Карнеада, которыми он обладал в глазах своих современников. Однако разжигая страсти на публике из желания ниспровергнуть стоиков, среди своих друзей втайне он мог соглашаться, говорить откровенно и позитивно высказываться о вещах, как обычный человек⁴².

После этого идет следующее:

«Ментор поначалу был учеником Карнеада, однако преемником не стал. Дело в том, что Карнеад застал его со своей любовницей, и эта сцена предстала перед ним не как «убедительное представление» (πιθανῆς φαντασίας) и не как «непостижимое» (μὴ κατεληφώς), а как нечто вполне достоверное и очевидное, — за это изгнал его из школы⁴³. Удалившись, тот стал его соперником как в софистике, так и в искусстве спора, опровергая то представление о «непостижимости» (ἀκαταληψίαν), которому он учил в своих речах».

Затем он добавляет:

«Обучая противоречивой философии, Карнеад гордился ее ложными положениями (τοῖς ψεύμασιν), скрывая за ними истину. Он использовал эти ложные положения как занавес, и, прячась за ними, высказывал истину подобно фокуснику. Так что обладал он тем же недостатком, что и бобы: ведь пустые бобы плавают на поверхности и хорошо заметны, а добрые лежат внизу и скрыты от глаз».

зывает до конца своей жизни в неизвестности, шепчась по углам с тремя или четырьмя мальчишками, и никогда не слетит с его губ свободное, громкое и дерзновенное слово» (пер. С. П. Маркиша).

⁴² То есть, он хорошо усвоил урок Лакида из предыдущего фрагмента, понимая, что философия — это одно, а жизнь — совсем другое. В свете античного этического идеала это замечание может быть скрытым упреком.

⁴³ Эту же историю, со ссылкой на Фаворина, приводит Диоген (IV. 63), подкрепляя ее пародическим стихом, посредством которого Карнеад якобы объявлял свою волю: «Здесь пребывает издавна морской пронизательный старец, / Ментора образ принявший, с ним сходствуя видом и речью, — / Из нашей школы должен быть он исключен!» (ср. *Одиссея*, 4. 384, 2. 268, пер. В. А. Жуковского).

Вот что говорят о Карнеаде. После него диадохом стал Клитомах⁴⁴, а затем Филон, о котором Нумений сообщает следующее:

Фр. 28 des Places (fr. 8 Leemans), Евсевий, *Приготовление к Евангелию* XIV, 9, 1–4, р. 739b–d V.; II, р. 284, 11–285, 3 Mras: «Приняв школу, этот Филон поначалу преисполнился радости. Из признательности он окружил почетом и стал превозносить учения Клитомаха⁴⁵, и против стойков “покрылся блистательной медью” [Илиада, 7. 206 и 16. 130].

Однако по прошествии времени, когда учение академиков о воздержании от суждения (τῆς ἐποχῆς) поистрепалось, и он уже сам так не думал, «очевидность» чувств (ἐνάργεια) и «согласие» с ними (ὁμολογία) вынудили его изменить свою точку зрения. Уже со всей четкостью осознавая это, он тогда очень хотел — так и знай — найти того, кто бы его опроверг, чтобы не казалось, что он, “обращая хребет”⁴⁶, бежит добровольно.

Учеником Филона был Антиох, который основал другую Академию. По крайней мере, он принадлежал к школе (σχολάσας⁴⁷) стойка Мнесарха, выступил против Филона и добавил к учению Академии множество чуждых элементов».

⁴⁴ На нем у Диогена изложение заканчивается (DL IV. 67), а о Филоне и Антиохе не говорится ни слова.

⁴⁵ Как сообщает Диоген Лаэртий, Клитомах первым изложил учение и методы Карнеада в письменной форме. Именно эти сочинения, видимо, и стали основным источником сведений для последующих авторов. В этом смысле Филон поначалу превозносил идеи Карнеада.

⁴⁶ *Илиада*, 8. 94 (слова Диомеда, адресованные к Одиссею, призывающие его не бежать малодушно, но противостоять Гектору и защитить старца Нестора). Иначе говоря, Филон не хотел, чтобы о нем подумали, что он бежал, даже не попытавшись дать отпор противнику. Однако нападение случилось с неожиданной стороны: против Филона выступил его ученик Антиох.

⁴⁷ Или просто посещал? В любом случае у стойков он научился очень многому. Об обстоятельствах разрыва между Филоном и Антиохом рассказывает Цицерон (*Первая Академика*, 11 сл.). Подробнее см.: *Диллон Дж. Средние платоников / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб., 2002. С. 66 сл. В целом об Антиохе см.: Glucker J. Antiochus and the Late Academy. Göttingen, 1978.*